

УДК 1; 316,4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.16

**РЕЛИГИОЗНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РЕЛИГИОЗНОМУ
ЭКСТРЕМИЗМУ**

Самыгин Сергей Иванович

Доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии Ростовского
государственного экономического
университета (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: samygin78_@yandex.ru

**RELIGIOUS SAFETY
OF THE SOCIETY IN TERMS
OF PROVIDING
THE RELIGIOUS FREEDOM
AND COUNTER
RELIGIOUS
EXTREMISM**

Sergy I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Sociology,
Rostov State University of Economics
Rostov-on-Don,
e-mail: samygin78_@yandex.ru

В статье рассматриваются различные аспекты религиозной безопасности. Отмечается, что уровень религиозного насилия в современном мире довольно высок. Источниками угрозы выступают как правительства, ограничивающие свободу вероисповедания и осуществляющие репрессивную политику по отношению к тем или иным религиозным группам, так и социальные группы под влиянием религиозной нетерпимости. В то же время угрозы безопасности со стороны религиозных групп существуют и в тех обществах, где государство обеспечивает свободу вероисповедания, а граждане в целом терпимы к разнообразию религиозных

The article examines various aspects of religious security. It is noted that in the modern world the level of religious violence is quite high. The sources of threat are governments restricting freedom of religion and carrying out the repressive policy towards certain religious groups, as well as social groups faced the influence of religious intolerance. At the same time, the security threats from the religious groups exist in those societies where the state provides freedom of religion, and citizens in general are tolerant to the religious views diversity. The article states the problem of ensuring religious security along with the religious freedom preserving.

взглядов. В статье ставится проблема обеспечения религиозной безопасности при сохранении религиозной свободы.

Ключевые слова: религия, безопасность, религиозная безопасность, религиозный фундаментализм, новые религиозные движения, экстремизм, религиозная свобода, десекуляризация.

Keywords: religion, security, religious security, religious fundamentalism, new religious movements, extremism, religious freedom, desecularization.

Введение

В начале XXI в. мир остается религиозным, а если учитывать рост населения, то он становится даже более религиозным, чем в прошлом, поскольку растет количество верующих. Религия не только сохраняет и увеличивает свое влияние на умы верующих. В последние десятилетия постоянно возрастает её политическая значимость. Религиозные организации всё активнее заявляют о себе в публичном пространстве даже секулярных обществ. Религия возвращает свои позиции в тех странах, где когда-то начинали разворачиваться секуляризационные процессы. Как показывает пример России, десекуляризация возможна даже там, где десятилетиями государство осуществляло атеистическую политику. Десекуляризация может принимать разные формы – от довольно разрушительных до мягких, не вызывающих насилия и конфликтов. Форма, которую принимает десекуляризация в каждом конкретном обществе, зависит от многих факторов, в том числе и от характера самой религии – тех целей и ценностей, которые она проповедует [3–5].

Рост влияния и активности религий выражается и в том, что возрастает количество конфликтов, в которые религия вовлекается. Не всегда религия является единственной причиной конфликтов, но известно, что конфликты, имеющие религиозную составляющую, имеют тенденцию приобретать затяжной характер, отличаются жестокостью и почти не поддаются урегулированию. Прекратившись, они имеют тенденцию вспыхивать вновь через какое-то время. Превращение религии в политическую идеологию, что мы наблюдаем в современном мире, еще больше усугубляет проблему религиозной конфликтности.

Религиозно мотивированное насилие может быть направлено, прежде всего, на других верующих. С точки зрения безопасности религиозная ситуация в современном мире выглядит довольно тревожно. Исходящие от религии угрозы безопасности – как безопасности личности, так и национальной безопасности – чаще всего ассоциируются с

исламским фундаментализмом. Это не удивительно, поскольку именно радикальный политизированный ислам связан с ростом террористической угрозы во второй половине XX – начале XXI в. [10]. Деятельность ДАИШ (организации, запрещенной в России) вывела эту террористическую угрозу на новый уровень, поскольку в данном случае деятельность радикальных группировок представляла собой не просто точечные атаки, но попытку формирования государства, и этой угрозе приходится противостоять вооруженным силам нескольких государств.

Религиозное насилие и проблема религиозной безопасности

Но при всей известности исламский фундаментализм – не единственная форма организованного религиозного насилия. Радикальные действия предпринимают также индуистские, иудейские, сикхские фундаменталисты. Радикальные насильственные действия предпринимают даже буддисты и христиане, хотя именно представители разных христианских конфессий сегодня являются (в глобальном масштабе) самой преследуемой религиозной группой. Преследование осуществляется и по отношению к мусульманам. «Христиане подвергались преследованиям со стороны правительства или социальных групп в 102 из 198 стран, включенных в исследование (52 %), в то время как мусульман подвергали преследованиям в 99 странах (50 %)» (данные за 2013 г.) [16]. Евреи, по данным этого исследования, подвергались преследованиям в 77 странах (39 %), в том числе и в европейских.

По данным Pew Research Center, в 64 странах мира систематически нарушаются права верующих. И среди этих 64 стран – самые населенные страны мира (Китай, Пакистан, Индия, Индонезия). К странам, где религиозная свобода и права верующих ограничены и нарушаются, относятся также Бирма, Египет, Эритрея, Иран, Судан, Узбекистан, Сомали, Нигерия и др. Около 70 % мирового населения живет сегодня в условиях, где существует угроза ограничения религиозной свободы и насилия на религиозной почве.

К религиозно мотивированному насилию можно отнести не только преследование религиозных меньшинств религиозным большинством, но также и насильственные действия по отношению к единоверцам, обвиняемым или подозреваемым в нарушении каких-то религиозных норм, разнообразные религиозные обычаи и традиции, способные нанести вред физическому здоровью людей, не говоря уже об угрозе их психологическому благополучию.

Источником религиозного насилия или ограничения религиозной свободы могут быть как правительства, так и гражданское население.

На государственном уровне свобода религии ограничена, а религиозные меньшинства подвергаются дискриминации в таких странах, как Саудовская Аравия, Пакистан, Иран. Другие страны (например, Китай) проводят ограничительную политику по отношению лишь к некоторым религиозным группам. В современном мире существует парадоксальная ситуация: на официальном уровне подавляющее большинство современных государств признают и обязуются защищать свободу религии, но в 27 % государств существует высокий уровень религиозной враждебности и в 27 % стран существуют различные ограничения религиозной свободы со стороны государства (данные за 2013 г.) [16].

Но не меньшая угроза религиозной дискриминации по отношению к меньшинствам или религиозно мотивированного насилия может исходить не от государства, а от религиозно настроенного большинства населения. Так, например, в Бангладеш и Нигерии правительства не проявляют особой ограничительной или репрессивной активности по отношению к религиозным меньшинствам, в то время как население настроено по отношению к ним агрессивно. В Пакистане и Афганистане ортодоксальные верующие могут действовать и без санкции государства, которое само по себе не отличается стремлением защищать религиозные права, как и права человека вообще. Ситуация усугубляется, когда государство и большинство населения оказываются едины в своих агрессивных устремлениях. Уровень религиозно мотивированного насилия, как правило, выше в тех странах, где высока доля религиозного населения и значимость религии. Однако не всегда высокий уровень религиозного насилия связан с высоким уровнем религиозности. Так, высокий уровень религиозности населения в Польше или США не приводит к росту религиозного насилия, хотя отдельные случаи религиозно (или, наоборот, антирелигиозно) мотивированной агрессии (например, оскорблений на религиозной почве или оскорблений религиозных чувств) могут иметь место.

Исследователи Pew Research Center разработали индекс социальной враждебности, связанный с религиозным насилием (Social Hostility Index). Наиболее высоким этот индекс оказался для Ирака, Пакистана, Индии, Афганистана, Бангладеш, Сомали, Индонезии, Израиля, Судана, Кении, Нигерии, Саудовской Аравии, Египта и др. Низкий уровень этого показателя, т. е. высокую степень религиозной безопасности, демонстрируют такие страны, как, например, Канада, Латвия, Словакия, Перу, Новая Зеландия, Португалия, Габон, Бурунди, Ботсвана, Монголия, средний – Норвегия, Польша, Сербия, Австрия, Швейцария, Австралия, Замбия, Южный Судан, Япония, Бразилия, Венгрия и др. [17].

Таким образом, мы видим, что религиозное насилие и ограничение религиозной свободы, как и религиозная безопасность, распространены в странах, принадлежащих к разным культурным и религиозным традициям. Это говорит о том, что проблема религиозной безопасности является практически универсальной, но не является неразрешимой.

Религиозная свобода как фактор религиозной безопасности

Одним из важнейших факторов, способных обеспечить высокий уровень религиозной безопасности, является обеспечение религиозной свободы, свободы вероисповедания. Исследования показывают, что наиболее низкий уровень враждебности наблюдается в тех странах, где государство гарантирует эту свободу.

Другим важным фактором, способствующим снижению религиозного насилия, является отделение государства от религии, т. е. лишение религиозных организаций возможности использовать аппарат насилия государства для решения религиозных споров и принуждения к вере. Подтверждением этого тезиса служит европейская история последних столетий. Принцип веротерпимости впервые возникает в Европе (хотя не в истории) в результате многолетних жестоких конфликтов на религиозной почве, порожденных Реформацией. Результатом изменений, спровоцированных Реформацией, было и возникновение светского государства, которое не мешает исповедовать ту или иную религию, но и не руководствуется в своей деятельности защитой религиозных принципов [8]. Функции государства, связанные с защитой религии, кардинальным образом изменились. Государство перестало защищать религию, но перешло к правовой практике защиты индивида, исповедующего ту или иную религию, обеспечению религиозной свободы и свободы вероисповедания. Дальнейшее развитие этой тенденции привело к практике защиты религиозных меньшинств от дискриминации на почве религии. В рамках этой логики защиты религиозной свободы возникает и практика защиты чувств верующих от оскорбления, хотя эта практика вызывает множество вопросов, поскольку в данном случае возникает противоречие между обязанностью государства защищать не только свободу религии, но и свободу мировоззренческого выбора вообще [9]. В секулярных обществах верующие могут испытывать чувство оскорбленности, например, при свободном использовании религиозных символов в произведениях светского искусства. Но свобода слова является такой же неотъемлемой свободой человека, как и свобода религии. В каждом конкретном случае государства решают эту проблему исходя из конкретных обстоя-

тельств дела, нередко становясь на сторону верующих. В то же время практика защиты чувств верующих подвергается критике – и не только из-за указанного выше противоречия, но и по причине невозможности дать четкое определение религиозным чувствам и обосновать их привилегированный характер по отношению к другим видам чувств. Таким образом, защита права на свободу вероисповедания в светских государствах может наталкиваться на определенные трудности правового характера.

Еще одной проблемой является деятельность религиозных групп, которая может иметь деструктивный характер. Несмотря на тот факт, что в современном религиоведении и социологии религии термины «деструктивный культ» или «тоталитарная секта» считаются не научными понятиями, а негативно окрашенными ярлыками, стигматизирующими некоторые религиозные группы [13], невозможно отрицать, что деятельность некоторых групп, относящихся, как правило, к новым религиозным движениям, может представлять определенную угрозу если не национальной безопасности, то личной безопасности граждан. Из наиболее известных примеров можно сослаться на Сайентологическую церковь.

Деятельность этой организации известна достаточно жестким контролем поведения верующих, вплоть до сбора досье на каждого адепта, а также ярко выраженной коммерческой составляющей [7]. В качестве основной практики она применяет обучающие семинары, прохождение которых является платным, причем цена обучения достаточно высока. Религиозно мотивированные адепты церкви становятся источником дохода для её руководства, довольно цинично использующего психологические проблемы людей [15]. В то же время запретить деятельность этой организации в правовом государстве сложно, поскольку прямого принуждения по отношению к верующим она не применяет, а принцип свободы вероисповедания не допускает различий между религиозными доктринами и не предполагает деления их на «правильные» и «неправильные» [11].

Однако деятельность сайентологической церкви довольно часто сопряжена с махинациями и мошенничеством, что позволяет ограничивать её деятельность, не затрагивая религиозных вопросов. История сайентологии – это история обвинений и судебных процессов, что, в свою очередь, определило её тактику сопротивления – организация постоянно использует правовые системы европейских государств для собственной защиты.

Деятельность Сайентологической церкви имеет международный характер, соответственно, с проблемами, ею порождаемыми, сталкивались разные государства. Радикальнее всего вопрос был решен Грецией, просто запретившей деятельность этой организации на своей территории. Однако в Греции существуют особенности законодательства: чтобы религиозная организация была в Греции признанной, необходимо, чтобы эта организация не имела тайных доктрин и её религиозные церемонии были общедоступными и бесплатными. Кроме того, в Греции православная церковь не отделена от государства, и поэтому для открытия любого представительства другой религиозной организации требуется согласие местного православного иерарха. Но случай Греции представляет собой некоторое исключение для Европы, поскольку такие законодательные принципы могут быть рассмотрены как ограничение религиозной свободы.

Другие европейские государства, где эти принципы обеспечиваются более последовательно, решали проблемы с Сайентологической церковью иначе. В Германии в течение ряда лет сайентологи находились под гласным надзором Ведомства по охране конституции. В ряде стран (например, в Австрии) Сайентологическая церковь не имеет статуса религиозной организации. Во Франции на протяжении многих лет идут суды по обвинению руководства местной сайентологической организации в мошенничестве. В США сайентологи долгое время не имели статуса религиозной организации, однако им удалось его добиться после смерти основателя церкви Р. Хаббарда.

Сайентологическая церковь – не единственный пример религиозной организации, являющейся на деле структурой, ориентированной на достижение коммерческих целей. Проблема, однако, в том, что рядовые адепты таких организаций, как правило, вполне искренне верят в их религиозный и спасительный характер [1].

Таким образом, главным способом ограничения деятельности подобных организаций в светских государствах является либо преследование их за противоправные действия (а не религиозные или псевдорелигиозные взгляды), либо лишение их статуса религиозной организации, дающего определенные привилегии. Это позволяет избежать вопросов о свободе вероисповедания и её ограничении.

Деятельность религиозных организаций в секулярных обществах может нести и большую угрозу личной безопасности, чем использование адептов в качестве рабочей силы или мошенничество. Под угрозой может оказаться и жизнь адептов, доверившихся своим духовным учителям. А также жизнь людей, не вовлеченных в эти группы. В качестве

примера можно вспомнить трагическую судьбу «Народного храма» (People's Temple).

Первоначально эта группа выглядела как одна из многочисленных харизматических протестантских церквей американского юга с присущими харизматам экстатическими богослужениями, чудесными исцелениями и культом личности пастора. Единственным отличием, важным для американского юга 60-х гг., была борьба с расовой сегрегацией, что могло бы выглядеть привлекательно, если бы не дальнейшее развитие событий.

Деятельность организации довольно быстро привлекла неодобрительное внимание общественности по двум причинам. Во-первых, по причине сильных расовых предрассудков, характерных для этого американского юга. Приверженность сторонников Джонса к равноправию вызывала отторжение. Кроме того, вызывали недоумение странные приемы проповеднической деятельности пастора Дж. Джонса, который мог в ходе проповеди бросить на пол Библию, поскольку она якобы оправдывает несправедливость. Во-вторых, тревогу вызывали сведения о диктаторских замашках пастора, жестокости, экономической и сексуальной эксплуатации адептов. Однако власти занимали выжидательную позицию. Здесь необходимо учитывать специфику политики американского государства в отношении религии. Несмотря на высокую значимость религии в американском обществе и высокую религиозность американцев, государство никак не вмешивается в регуляцию религиозной жизни и не оказывает преференций никаким религиозным группам, которые имеют возможность заниматься самыми разными видами деятельности.

Хотя государство было индифферентным, Джонс регулярно пугал свою паству слежкой и контролем со стороны ФБР. И в то же время некоторые представители политической элиты сотрудничали с Джонсом, поскольку он и его сторонники могли обеспечить им поддержку на выборах.

За несколько лет организация, возглавляемая Джонсом, проделала путь от экстравагантной протестантской церкви до утопической общины с весьма специфической верой, переселившейся под давлением возмущенной общественности в недоступный регион – джунгли Гайаны. К моменту своей трагической гибели осенью 1979 г. «Народный храм» перестал быть христианской религиозной организацией. Характерно, что на территории их поселения – Джонстауна – не было ни церкви, ни молельного дома, а роль сакрального центра выполнял дом, где жил сам Джонс. Роль богослужения выполняли многочасовые

проповеди Джонса, находящегося, по всей вероятности, под влиянием алкоголя и наркотиков. Важную ритуальную роль играли так называемые белые ночи, представлявшие собой репетиции коллективного самоубийства. Решимость совершить самоубийство в логике Джонса и его последователей означала приверженность идеалам организации и преданность самому Джонсу, который практически обожествлялся последователями, воспринимавшими – под влиянием его проповедей и изоляции – окружающий мир как угрозу, персонифицированную «американским империализмом».

Таким образом, религиозная идеология в данном случае практически срослась с политическим и социальным утопизмом, который тем не менее сохранял религиозно-эсхатологический характер, что и обусловило трагический конец данной организации. Этот трагический конец был ускорен запоздалым вмешательством американской власти в лице сенатора Л. Райана, который прибыл в Джонстаун по просьбе встревоженных родственников адептов, оставшихся в США. Его прибытие спровоцировало страх и панику сначала у самого Джонса, а потом и у адептов, находившихся под его полным влиянием. Сенатор и часть его сопровождающих были убиты, а затем последовал уход из жизни более 900 адептов «Народного храма», причем не все они совершили добровольное самоубийство, поскольку среди них были маленькие дети, которые едва ли были на это способны.

Группы, подобные «Народному храму», – очень редкое явление. Однако пример этой группы показывает опасность недооценки деятельности некоторых религиозных учителей. Сегодня мы видим развитие сходных тенденций уже не только среди религиозных маргиналов, изобретающих собственные религиозные доктрины, а среди последователей традиционных, но переосмысленных в агрессивном ключе религий. Речь идет о религиозном экстремизме и фундаментализме, чьи приверженцы практикуют как самоубийства, так и убийства во имя религиозных и одновременно политических целей.

Религиозный экстремизм и религиозная безопасность

Конец XX – начало XXI в. стали свидетелями существенного повышения агрессивности человека, серьезных вспышек различных видов экстремизма, который нередко смыкается с терроризмом. Многие экстремистские проявления имеют религиозную окраску. Часто идет речь о религиозном экстремизме [12].

Иногда говорят о религиозно-политическом экстремизме. Экстремизм характеризуется как приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы

и правила. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же, проявляющийся в религиозной сфере, получил название религиозного экстремизма. В последние десятилетия все более широкий размах приобретают такие экстремистские явления, которые имеют связь с религиозными постулатами, но происходят в политической сфере социума и не могут быть охвачены понятием «религиозный экстремизм» [14].

Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти. Религиозно-политический экстремизм тесно связан с массовым нарушением прав человека. Он несет угрозу национальной безопасности различных государств, способствует обострению межнациональных отношений.

И в тех, и в других случаях мы имеем экстремистские действия. Однако разница между ними чрезвычайно велика. Если в первом случае речь идет о проявлениях *религиозного экстремизма*, то во втором – налицо действия, входящие в содержание понятия «*религиозно-политический экстремизм*».

Религиозно-политический экстремизм может быть направлен на демонтаж сложившихся общественных структур, изменение существующего государственного строя, реорганизацию национально-территориального устройства и т.д. с применением противозаконных методов и средств. Существуют различные *формы проявления* религиозно-политического экстремизма. Наиболее часто он проявляется [14]:

- в виде деятельности, имеющей целью подрыв светского общественно-политического строя и создание клерикального государства;
- в виде борьбы за утверждение власти представителей одной конфессии (религии) на территории всей страны или ее части;
- в виде религиозно обосновываемой политической деятельности, осуществляемой из-за рубежа, имеющей целью нарушение территориальной целостности государства или ниспровержение конституционного строя;
- в виде сепаратизма, мотивированного или камуфлированного религиозными соображениями;
- в виде стремления навязать в качестве государственной идеологии определенное религиозное учение.

Религиозно-политический экстремизм часто переплетается с этнонационалистическим экстремизмом. Этому способствует ряд обстоятельств. Среди них – тесная историческая связь религии и этноса. Она привела к тому, что многие народы воспринимают то или иное вероисповедание как свою национальную религию (к примеру, русские, украинцы, белорусы, греки, сербы – православие; арабы, татары, башкиры, аварцы, даргинцы, кумыки и многие другие народы Северного Кавказа – ислам; монголы, буряты, калмыки, тувинцы – буддизм). Их образ жизни, традиции, обычаи, менталитет сформировались под влиянием соответствующих религиозных учений, обрядов, предписаний. В результате в этническом самосознании эти народы представляются как этноконфессиональные общности. Это обстоятельство создает возможность лидерам этнонационалистических экстремистских формирований апеллировать к «национальной религии», использовать ее постулаты для привлечения соплеменников в свои ряды, а лидерам религиозно-политических экстремистских группировок обращаться к этнонациональным чувствам и ценностям для увеличения числа сторонников своего движения [2, 6].

Заключение

Таким образом, исходящие от религии и религиозных адептов угрозы национальной и личной безопасности крайне разнообразны и проявляют себя не только в обществах, где существуют ограничения религиозной свободы, а население отличается высоким уровнем религиозности, но и в светских государствах, где принцип свободы религии неукоснительно соблюдается. Однако в целом уровень религиозного насилия и религиозной агрессии значительно ниже в тех странах, где религиозная свобода гарантирована, а религия отделена от государства. Что не делает, однако, эти общества абсолютно неуязвимыми перед угрозами, генерируемыми различными религиозными группами.

Литература

1. *Антес П.* Религии современности. История и вера. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. *Воденко К.В.* Институциональные практики гармонизации межрелигиозного взаимодействия на Юге России и перспективы их имплементации в политику конструирования гражданской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 72–83.

References

1. *Antes P.* Religii sovremennosti. Istoriya i vera. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 304 p.
2. *Vodenko K.V.* Institutsional'nye praktiki harmonizatsii mezhreligioznogo vzaimodeystviya na Yuge Rossii i perspektivy ikh implementatsii v politiku konstruirovaniya grazhdanskoy identichnosti // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 4. P. 72–83.

3. *Воденко К.В.* Проблемы соотношения религии и науки // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5 (165). С. 14–17.
4. *Воденко К.В., Тихоновскова С.А., Овчаренко Д.Л.* Влияние религии как социального института на правовые отношения в современном обществе // Вестн. Южн.-Рос. гос. техн. ун-та (Новочерк. политехн. ин-та). Соц.-экон. науки. 2015. № 5. С. 160–167.
5. *Воденко К.В., Тихоновскова С.А.* Социально-экономические институты и христианство: особенности взаимоотношений // Вестн. Южн.-Рос. гос. техн. ун-та (Новочерк. политехн. ин-та). Соц.-экон. науки. 2014. № 1. С. 167–177.
6. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 244 с.
7. *Коридан Б.* Рон Хаббард: маньяк или мессия? М. : Ультра.Культура, 2004. 544 с.
8. *Красикова А.А., Токарева Е.С.* Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения. М. : Московское бюро по правам человека, Academia, 2006. 328 с.
9. *Матецкая А.В.* Оскорбление религиозных чувств верующих: российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 36–45.
10. *Мирский Г.И.* Ислам в истории и современности // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 3–20.
11. *Нисневич Ю.А.* Светское государство: проблемы политико-правовой концептуализации // Двадцать лет религиозной свободы в России / под общ. ред. А.В. Малашенко, С.Б. Филатова. М. : РОССПЭН, 2009. С. 131–159.
12. *Самыгин С.И., Воденко К.В., Нечипуренко В.Н.* Религия и политика. Ростов н/Д. : Феникс, 2016. 286 с.
13. *Самыгин С.И., Матецкая А.В., Эгильский Е.Э., Воденко К.В.* Социология религии. Ростов н/Д. : Феникс, 2016. 314 с.
14. Этнорелигиозный терроризм / под ред. Ю.М. Антонына. М. : Аспект-пресс, 2006.
3. *Vodenko K.V.* Problemy sootnosheniya religii i nauki // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. 2011. № 5 (165). P. 14–17.
4. *Vodenko K.V., Tikhonovskova S.A., Ovcharenko D.L.* Vliyanie religii kak sotsial'nogo instituta na pravovye otnosheniya v sovremennom obshchestve // Vestn. Yuzhn.-Ros. gos. tekhn. un-ta (Novocherk. politekhn. in-ta). Sots.-ekon. nauki. 2015. № 5. P. 160–167.
5. *Vodenko K.V., Tikhonovskova S.A.* Sotsial'no-ekonomicheskie instituty i khristianstvo: osobennosti vzaimootnosheniy // Vestn. Yuzhn.-Ros. gos. tekhn. un-ta (Novocherk. politekhn. in-ta). Sots.-ekon. nauki. 2014. № 1. P. 167–177.
6. Konstruirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo vzaimodeystviya / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D. : Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 244 p.
7. *Koridan B.* Ron Khabbard: man'yak ili messiya? M. : Ul'tra.Kul'tura, 2004. 544 p.
8. *Krasikova A.A., Tokareva E.S.* Religioznaya tolerantnost'. Istoricheskoe i politicheskoe izmereniya. M. : Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academia, 2006. 328 p.
9. *Matetskaya A.V.* Oskorbleniye religioznykh chuvstv veruyushchikh: rossiyskiy kontekst // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 6. P. 36–45.
10. *Mirskiy G.I.* Islam v istorii i sovremennosti // Novaya i noveyshaya istoriya. 2010. № 1. P. 3–20.
11. *Nisnevich Yu.A.* Svetskoe gosudarstvo: problemy politiko-pravovoy Kontseptualizatsii // Dvadtsat' let religioznoy svobody v Rossii / pod obshch. red. A.V. Malashenko, S.B. Filatova. M. : ROSSPEN, 2009. P. 131–159.
12. *Samygin S.I., Vodenko K.V., Nepochipurenko V.N.* Religiya i politika. Rostov n/D. : Feniks, 2016. 286 p.
13. *Samygin S.I., Matetskaya A.V., Egil'skiy E.E., Vodenko K.V.* Sotsiologiya religii. Rostov n/D. : Feniks, 2016. 314 p.
14. Etnoreligioznyy terrorizm / pod red. Yu.M. Antonyana. M. : Aspekt-press, 2006.

15. *Atack J.* A Piece of Blue Sky: Scientology, Dianetics and L. Ron Hubbard Exposed. Carol Publishing Group, 1990.

16. Latest Trends in Religious Restrictions and Hostilities [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewforum.org/2015/02/26/religious-hostilities/> (дата обращения: 23.09.2015).

17. Social Hostilities Index [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewforum.org/2014/01/14/appendix-3-social-hostilities-index/> (дата обращения: 23.09.2015).

15. *Atack J.* A Piece of Blue Sky: Scientology, Dianetics and L. Ron Hubbard Exposed. Carol Publishing Group, 1990.

16. Latest Trends in Religious Restrictions and Hostilities [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.pewforum.org/2015/02/26/religious-hostilities/> (data obrashcheniya: 23.09.2015).

17. Social Hostilities Index [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.pewforum.org/2014/01/14/appendix-3-social-hostilities-index/> (data obrashcheniya: 23.09.2015).

Поступила в редакцию

15 мая 2017 г.